

Екатерина Таубер

**ИЗ КНИГИ *ОДИНОЧЕСТВО*
(Берлин: Парабола, 1935)**

* * *

Одиночество каждой души,
Кто охватит тебя и измерит?
День за днём пролетая спешит
В чём-нибудь навсегда разуверить.

И в нелепой дневной суете,
Где последние гибнут игрушки,
Только плач изменивших мечте,
Причитанье убогой старушки.

Долог день на холодной земле,
Страшен день на безумье похожий,
Где же отдых блаженный в тепле,
Где же, ночь, твоё тихое ложе?

* * *

От счастья стихов не пишут
И славы не ищут земной,
И сдавленной грудью не дышат
Предчувствием жизни иной.

Не плачут весной на рассвете,
Страстей покидая плен,
А спят, прикурнув как дети,
У чьих-то спокойных колен.

* * *

Мне мило комнаты молчанье,
Вещей таинственный покой,

Раздумье книг, лампад дыхание,
Иконы венчик золотой;

Колючий снег за рамой зимней,
Дней слишком кратких белизна,
Во мгле серебряной и дымной
Пустынных улиц тишина

И вольное уединенье,
И эти думы о тебе,
И в час случайного сомненья
Покорность светлая судьбе.

**ИЗ КНИГИ *ПОД СЕНЬЮ ОЛИВЫ*
(Париж: Дом книги, 1948)**

Провансальские стихи

Дом смотрит в лес, упрямо и угрюмо,
Седой оливой от дороги скрыт.
Он, как старик, в свои ушедший думы,
Что правнуком скучающим забыт.

Безумные, растрёпанные ели
Вокруг него ведут свой хоровод.
Пути к нему цветами запестрели
И лишь мистраль вздыхает у ворот.

Нетерпеливым, бурным воздыханьем
Никто в ответ окна не распахнёт.
Многовековым, трудным созерцаньем
Здесь каждый камень дышит и живёт.

Прованса солнце, тускло-золотое,
Замшелый свод лениво серебрит
И на крыльцо, просторное, пустое,
Поблёкший лист медлительно летит.

* * *

Дождь идёт над твоей могилой.
Тебе сыро и холодно там.
Я приду к тебе нынче же, милый,
Как бывало тогда, по утрам.

Я седые виски поцелую
И закрытые смертью глаза.
Не скажу, что люблю и тоскую, —
Пусть тебя не коснётся гроза

Поздних слёз и земных заклинаний.
Я хочу лишь с тобой побыть
У запретной, таинственной грани,
За которую мне не ступить.

ИЗ КНИГИ ПЛЕЧО С ПЛЕЧОМ ТРЕТЬЯ КНИГА СТИХОВ (Париж, 1955)

* * *

Лишь сосны молодости нашей
Под южным небом всё шумят.
Голодный ветер море пашет
И чайки за кормой летят.

Всё вечное не изменилось, —
А мы проходим и пройдем.
Одно мгновенье что-то снилось
И сердце падало и билось,
И пело только о своём.

* * *

Былое — вырубленный сад,
Где пни, обрубки и могилы.
И всё мучительней разлад
Меж тем, что есть, и тем, что было.

И уцелевших не узнать
И встречи, словно расставаясь...
Возьмем знакомую тетрадь —
Чьи тут пометки, восклицанья?

Каких пришельцев карандаш
По милой проходил странице?
Вот этот завиток — «не наш»,
Вовек с ним сердцу не сродниться!

Когда же все-таки найдешь
Черту нетронутую, слово —
С какой к ним жаждой припадёшь
Вернуться к прежнему готова.

* * *

Любовь росла, как дерево, годами
И с каждым годом крепла, как вино.
Сбывалось всё, что дерзкими мечтами
Восхищено: просящему дано.

По лестнице высокой испытаний,
Сквозь сумерки ущербных этих лет,
Пронёс ты сон о светлом браке в Кане,
Которому конца не может быть и нет...

* * *

Юрию Терапиано

Всё призрачно в мире. Всё кончится скоро
И камня на камне... не думай! Молчи!
Ещё так прекрасны сады и соборы
И братство бродяг на скамейке в ночи;

И осень Парижа... Редуют каштаны
И ржавые листья над Сеной летят.
Под пепельным небом, в дожди и туманы
Чердачные ока поэтов глядят.

Пред ними былое. Для них Женевьева
Выходит на площадь и город шумит;

Старинных органов ликуют напевы
И двери Сорбонны надёжны, как щит.

* * *

В дупле оливы жили пчёлы
С жужжаньем радостным взлетали
Навстречу солнцу... В час печали
Вспомни гомон их весёлый,

Их тельца тускло-золотые,
Как бы пронизаны мёдом,
И дрока заросли густые,
И кипариса два у входа

В усадьбу; пышный и высокий
Над маленьким и робким другом
Склонялся с нежностью глубокой,
Как ты над слабою подругой.

* * *

Кончался день ненастный и дождливый.
Как прежние — уйдёт в небытиё.
А были вместе мы под кровлею счастливой,
Не зная слов: «твое», «мое».

Всё было будничным: будильник мирно тикал,
По стёклам капли крупные текли.
И сад чернел таинственно и дико,
И влагой пахло от земли.

За каждодневным, незаметным делом
Текли часы без взглядов и без слов,
Лишь нежностью насыщенные зрелой.
Как рыбака негаданный улов.

* * *

Дул с моря ветер. Пальмы шелестели,
И гул стоял в разбуженном саду.
И, надрываясь, петухи пропели,
Что близок полдень, — полдень наш в аду.

И ты пришёл, и ревностью и мукой
 Тот летний день, как ядом, напоил.
 Жёг поцелуй заломленные руки,
 И долгий взгляд искал и холодил.

И тяжба длилась. И, непоправимо
 Разъединяя, падали слова...
 Стих ветер. Ураган промчался мимо, —
 Лишь сломанная ветка и трава
 Измятая о нём ещё твердили.
 Да мы с тобой, в молчаньи ледяном,
 Навек чужие, нашу пытку длили
 Сверкающим, уже смиренным днём.

* * *

Тепло в курятнике. Помёт.
 В соломе стебельки бурьяна.
 А в лужах перед дверью — лёд
 И листья ломкие каштана.

Петух горланит, подскочив
 На ящик боком, неуклюже,
 И ветра шалого порыв
 Его надменный хвост утюжит.

В баде продрогшая вода
 И леденит, и обжигает.
 Заря, сквозь сосны, как всегда,
 Пурпурный веер раскрывает.

И бодро так, и хорошо.
 Простая радость неделима,
 Соединяя, словно шов,
 Два мира: внутренний и зримый.

На страшном суде

Как жених, ты снова станешь справа
 И высок, и прям,
 Прожитого беспорочной славой

Поражѣнный сам,
 Понимая: поздно, не до лести
 В судный страшный час,
 Со своей трепещущей невесты
 Не спуская глаз;
 Крепко, крепко стиснувши ей руку,
 Соразмерив шаг:
 «Не захочет нашей Бог разлуки,
 Беспредельно благ.
 Заслужѣнным поделюсь с тобою;
 Одного венца
 Попрошу за стѣртой гробовою
 Гранью у Отца».

**ИЗ КНИГИ НЕЗДЕШНИЙ ДОМ
 ЧЕТВѢРТАЯ КНИГА СТИХОВ (Мюнхен, 1973)**

* * *

Не скажешь любящим: «Забудь.
 Она не стоит... он не стоит...»
 Ведь в муке, раздавившей грудь,
 Быть может, самое святое.

Им не забыть её вовек.
 Они её приносят Слову,
 Как выкуп. Счастлив человек,
 Здесь ставший выкупом другого!

* * *

Что знаем мы о них, прошедших с нами рядом
 Большой и трудный путь, безропотно, в тиши,
 Не выдавших себя ни жалобой, ни взглядом —
 Простосердечием распахнутой души?

Что можно разгадать в небрежнейших намѣках,
 В молчаньи зреющем, подчѣркнутых стихах
 О счастье и о том, что до него высоко,
 Что «синей птицы» лишь... Да что о пустяках!

И недосказанность душе невыносима,
Когда ответа нет, и некого спросить,
И шарить, как слепой, то около, то мимо,
Осколков не собрав, чтоб всё соединить.

* * *

Остановка в пути. Тишина.
Или поезд наш в поле забыли?
Или снова отсрочка дана?
О, как много мучительных «или»!

По откосам ромашки цветут,
Много птиц, как когда-то в ковчеге...
Может быть, уцелеем мы тут
И колёса крестьянской телеги

Повезут по зелёной меже
На окраину гнева и мести,
Если только не поздно уже
И не ждёт за околицей вестник.

* * *

Вечной памятью — только имя,
(Как просторов родных печать),
Да глаза голубые... С другими
Разве можно эти смешать!

Захлестнуло чужое море,
Обезличил чужой язык.
Лишь в расшитом крестом узоре,
В дикой пляске, песне — на миг
Промелькнёт... И опять впустую
Жизнь влачится, как серый дым.

А порою — на мостовую
С небоскрёба: в соблазн другим...

То Россия томит, бунтуя,
Бесполезным наследьем своим.

* * *

Расцветали стихи, как цветы,
 Чтоб печальную скрасить дорогу,
 Полевые — предельно просты
 И тепличные — с тайным подлогом.

Недоцветший и смятый букет —
 Это всё, что осталось с нами.
 Это наш неумелый ответ
 На допросе, что длится веками.

* * *

Окно выходило в чужие сады,
 Закаты же были, как вечность, ничьи —
 Распахнуты Богом для всех.

И думал стоявший в окне человек:
 «Увянут сады, но останется крест
 Оконных тоскующих рам

И крест на могиле твоей и моей,
 Как память страданья, как вечная дверь
 В распахнутый Богом закат».

* * *

Стихи пришли некстати, на ходу
 Меж чинных заседаний, конференций.
 Они как вязкий пряник на меду, —
 И радуешься кашлю, инфлюенце,

Чтоб только дома на́долго засесть,
 Смотреть в окно, где навалило снегу,
 И радоваться. А чему? — Бог весть.
 Быть может ритма санного разбегу,

Иль воробьям, друзьям, озорникам,
 Что все садятся рядом, на мимозу.
 А святки медленно подходят к нам,
 Чуть разрумьянившись с морозу.

* * *

Мы идём с тобой через весь Париж.
То стихи прочтёшь, то опять молчишь.

В этот тихий час, предрассветный час,
Жизни жёсткий перст не коснётся нас.

Сколько лет прошло между этих стен!
Отшумел давно ветер перемен, —

Стало песней всё, песней и стихом —
Мы воздвигли здесь наш нездешний дом.

* * *

Лишь первозданное, простое —
Деревья, воды и холмы
Незыблемо стоит и стóит
Поклона, памяти, хвалы.

Во дни обид, во дни потери
Ценить научится душа
Бесхитростную ласку зверя
Приют лесного шалаша

И утра росное касанье,
И шёпот ивы — прасестры:
Дары, что нам даются втайне...
О, неприметные дары!

**ИЗ КНИГИ *ВЕРНОСТЬ. СТИХИ*
(Париж: Альбатрос, 1984)**

* * *

Растёт чебрец в расщелинах кремнистых,
И остро пахнет полднем и жарой.
И прошлое разорванным монистом,
Как бусы, светится сегодня предо мной.

А я любила ветер раскалённый
 И ключевой воды прохладу в летний зной,
 И выжженных холмов смуглеющие склоны,
 И этот юг, пьянящий и родной.

* * *

Ренэ Герра

И закаты, и ночь, и прибой,
 И пустынные долгие пляжи.
 То маяк загорится слепой,
 То скала о прошедшем расскажет.

Голос моря и грозен и строг,
 Как далёкого грома раскаты.
 Поднимается ночь на порог
 Предрассветного часа и брата.

Одиночество гордых стихий.
 Нет букашки и нет человека.
 Но сродни им любовь и стихи
 И пребудут от века до века.

* * *

Стою под старою оливой,
 Быть может, помнящей Христа.
 Корней свиваются извивы,
 Дупла открылись уста.
 Ты помнишь дни Его и ночи
 Под зыбью лёгкою ветвей,
 Когда поёт полночный кочет
 Иль утра дует суховой?
 Иль миг, когда в изнеможеньи,
 Простая женщина, как я,
 Коснувшись, просит очищенья, —
 Совсем иного бытия?

* * *

Осенних дней и дождика мы ждали
 В деревне с нетерпением. Покой

Они несли и творческой печали
Томительный и сладостный настой.

Как книжка сказок, что давно забыли,
Открыли — оторваться не смогли, —
Так детских лет опять проходят были
И чудеса покинутой земли.

Быль не вернётся. Ничего не будет
И чудеса не ждут нас впереди,
Но разве память не приют и чудо
И не готовы к странствиям лады!

* * *

Ты вынес всё. И принял, как расплату
За гордость предков, роскошь и разлад.
Последний вроде, нищий и крылатый,
Ни перед кем не опустивший взгляд.

Ты зов земли услышал на чужбине,
Изведал лютый жребий крепостных.
И вот года глухой борьбы в пустыне
Без друга, женщины, родных...

Лишь небо здесь тебя усыновило,
Вершины гор признали своего.
И ты ушёл... И это было, было!
И вычеркнуть нельзя уж ничего.

* * *

Ренэ Герра

Трещат дрова декабрьским утром в печке.
За окнами — простор и синева.
Молочника тележка у крылечка
Остановилась, скрипнувши едва.

Размерены ещё и осторожны
Все звуки наступающего дня.
Пусть он пройдёт без суеты тревожной
У этого весёлого огня —

В медлительном любовном созерцании
Простого мира дремлющих вещей,

В безделье сладком и припоминаньи
То дальних странствий, то любви речей,

Когда опять коснёшься благодарно
И с нежностью внезапной и живой
И тайных слёз, и радости угарной,
Чей не пролит напиток огневой.

ИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

* * *

Судьба стихов неведома поэтам,
Они живут отдельно от творцов,
Не быть им автора портретом
Ни в самом малом, ни в большом.

Приходят к нам из бездны подсознания,
Противоречат замыслам и снам,
Смеются нашим ожиданьем,
Ведут, куда не надо нам.

Как можно быть своим судьёю
И знать — дано иль не дано?
Нам только суждено судьбою
Глядеть в нездешнее окно.

Новый журнал № 162, март 1986

* * *

Это осень пришла ко мне в гости
С незабвенною веткой рябины;
Это в прошлое узенький мостик
И младенчества голос глубинный.

Дача деда у тихой просеки
Под тончайшею солнечной сетью.

Там осталось детство навеки
И туда я приду перед смертью.
Новый журнал № 162, март 1986

* * *

*Памяти княгини
Софьи Енгальчевой*

Твоё счастье так свято, так право,
Мир твой прочен, незыблем, широк
Как старинной иконы оправа,
Как прабабушкой данный зарок.

Вечно радостный чин литургии,
За поклоном кладимый поклон.
Так молились в далёкой России
Толпы странниц, святых и княжон.

Безошибочность. Мир и прохлада.
Непостыдная смерть впереди
Среди правнучек нежного сада,
За которым и с неба блюди.

29 марта 1986
Новый журнал № 163, июнь 1986

* * *

Великопостное

Там хлеб пекли во дни поста
И печь пылала, грела, жгла,
И хлебцев круглых теплота
Благословением была.

Разламывали руки их,
Не режа, как во дни святых,
И крошки падали в ладонь,
В весеннее тепло и сонь.

И запивали их водой
 С молитвой древней и седой.
 И Пост следил, оберегал
 Чтоб дух Любви не отлетал.

Новый журнал № 163, июнь 1986

* * *

*О разве, разве клясться надо
 В старинной верности навек?*

А. Блок

Ты медленно росла, дорогой ошибаясь,
 Не видя главного, дурманами дыша,
 От блоковских стихов хмельная и слепая
 И юная ещё, наивная душа.

Куда он вёл тебя, той бездной соблазняя.
 Которую он сам не в силах превозмочь,
 «Кольцо заветное» навек уже роняя?
 И тайно плакал он, и опускалась Ночь...

Ты весть о гибели принять не захотела,
 Ты разорвала сеть соблазнов вихревых,
 И постучалась в дверь смиренно и несмело.
 Открылась вдруг она: в дверях стоял Жених.

Новый журнал № 164, сентябрь 1986

* * *

Последнее тепло земное,
 Любимой женщины рука.
 И летний день отходит в зное,
 И смерть твоя тиха, легка.

Ты шепчешь: «Все пришли святые»,
 Не видит никого жена.
 Целует лишь виски седые
 Ещё вдвоём... Уже одна...

Новый журнал № 165, декабрь 1986